

УДК 338:2-7

И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА

ББК 65:86 (2Рос)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В 1920–1930-е гг.

(На примере Иркутской и Забайкальской епархий)

В статье на примере православных общин Забайкальской и Иркутской епархий рассматриваются основные направления экономической политики государства по отношению к религиозным организациям в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: Иркутская и Забайкальская епархии, православные общины, культовые здания, духовенство, налогообложение, экономическое давление.

I.S. TSYREMPILOVA

ECONOMIC STATE POLITICS TO RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN 1920–1930s (On the example of Irkutsk and Transbaikalian dioceses)

In the article the main movements of economic state politics to religious organizations are examined on the examples of the Orthodox communities of Irkutsk and Transbaikalian dioceses.

Keywords: Irkutsk and Transbaikalian dioceses, the Orthodox communities, cult buildings, the clergy, taxation, economic impact.

В 1920–1930-е гг. приоритетным направлением в антирелигиозной государственной политике стал комплекс мер экономического воздействия на деятельность религиозных организаций, духовенства и верующих. Советское государство, поставившее целью ликвидацию церкви как социального института, одной из первых задач выдвигало борьбу с экономической основой церкви. В.И. Ленин полагал, что церковь, в частности, Православная, рухнет, как только отнять у нее экономический базис [21, с. 278–296]. Поэтому законодательный массив, принятый в первые годы советской власти, лишал церковь собственной экономической базы и господствующего статуса. Все движимое и недвижимое имущество религиозных организаций объявлялось народным достоянием, прекращались всякие государственные субсидии, полученное церковью «в бесплатное пользование» имущество подлежало налогообложению. При этом экономическое ослабление противников с помощью насильственных изъятий в пользу государства культового имущества, церковных ценностей и колокольного металла, высокого налогового обложения храмов и духовенства в целом отвечало и прагматическим целям власти.

С окончательным установлением советской власти в 1920 г. на территории рассматриваемого региона стало возможным практическое решение религиозного вопроса. При этом стоит отметить, что в годы Гражданской войны православные общины Иркутской и Забайкальской епархий сохранили свои земли и недвижимое имущество, что естественным образом открывало для местных органов власти возможности для борьбы с ними.

В комплексе антирелигиозных мероприятий с начала 1920-х гг. стали внедряться меры экономического воздействия, где одним из наиболее действенных и эффективных методов стало налогообложение. Налоговая политика развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений и служителей культа. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 ноября 1922 г. культовые здания подлежали обложению налогом со строений. Размер общесоюзного налога со строений не должен был превышать 0,5% от стоимости культового здания, а с 1924 г. — 1,8% от стоимости здания в год. Арендная плата за землю, находящуюся под храмом, была введена в 1923 г., она исчислялась в соответствии с размером ставки, принятой в данном городском поселении для частновладельческих усадебных земель [19, с. 33–34]. Особое беспокойство верующих вызывала санкция, применяемая за просрочку долга, поскольку за неуплату налогов и сборов в течение 2 месяцев со дня истечения срока платежей местные органы власти имели право расторжения с группой верующих договора аренды культового имущества.

Другой циркуляр № 115 НКЮста и НКФинансов от 5 сентября 1923 г. освобождал в сельских местностях от арендной платы земельные участки, находящиеся под зданиями религиозного культа. Однако на местах имелись случаи разного толкования этого циркуляра со стороны религиозных организаций и органов власти. Так, 5 ноября 1924 г. Нерчинское уездное епархиальное церковное управление обратилось в Забайкальский губисполком с просьбой об отмене арендной платы за церковную ограду. В отношении отмечалось, что церковь с церковной оградой отдана под культовые нужды по договору с общинами и в церковной ограде совершаются культовые обряды — крестные ходы, молебны. Но, несмотря на это, местные финансовые органы (Калининский, Зюльзинский, Ундинский) требуют арендовать землю, занятую церковной оградой, назначая «за квадратный сажень — 1 р. золотом» [12, л. 32].

Ситуация с невыплатой арендной платы Читинским Александроневским кафедральным собором решалась в судебном порядке. Читинский ГОМХ взыскивал арендную плату в размере 161 р. Материальное положение собора было сложным, ввиду чего приходской совет 9 декабря 1924 г. вынужден был обратиться в Забайкальский губисполком с просьбой «дать распоряжение о сложении недоимки или уменьшении ее, или в крайнем случае дать длительную рассрочку» [12, л. 35].

В области налоговых мероприятий по отношению к духовенству региональное руководство также опиралось на циркуляры НКФинансов. Духовенство подлежало уплате подоходно-имущественного налога (классного и по совокупности доходов). На местах нередко определение совокупности дохода священнослужителей осуществлялось без надлежащего учета, с грубейшими ошибками и не соответствовало реально получаемым доходам. В инструкции НКФинансов было разъяснено: «Обложению подоходно-поимущественным налогом подлежат также служители разных культов. Только те из них, которые не получают средств к существованию от своей профессии и не имеют других источников дохода, а находятся на полном иждивении религиозных общин, могут быть освобождены от обложения» [1, с. 429]. Но на деле освобождение от уплаты налога, к примеру, сельских священников, действительно находящихся на иждивении религиозных общин, не осуществлялось. Местные органы власти принимали абсолютно противоположные решения. Так, в 1924 г. налоговые органы г. Иркутска требовали уплаты подоходно-имущественного налога с церковных старост по категории «служитель культа». На это решение приходской совет Александровской церкви направил в Иркутский епархиальный церковный совет запрос «является ли староста служителем культа». Совет дал разъяснения, что «должность церковного старосты почетная, выборная и совершенно бесплатная, а потому никакими налогами по категории служителей культа облагаема быть не может, что предусмотрено законодательством» [2, л. 356].

В январе 1925 г. СНК издал специальный циркуляр №463 «Об обложении налогами церковных зданий и служителей культа». Этим циркуляром признавались факты злоупотреблений в налоговой сфере, особенно это касалось «национальных окраин». Также заявлялось о необходимости принятия самых решительных мер «к пресечению произвольного обложения зданий культа и служителей культа всякого рода самочинными налогами и сборами, привлекая виновных в этом к ответственности». В циркуляре указывалось и на необходимость подходить с вниманием и осторожностью «к обложению служителей культов в сельских местностях, в беднейших приходах, чтобы не допускать переобложений». При обложении церковных зданий в городских поселениях предлагалось учитывать, что их стоимость не соответствует «возможности их доходного использования», а за основу оценки этих зданий можно было брать пониженную страховую стоимость. Циркуляром также предписывалось принимать во внимание «непосильность налога для отдельных групп верующих», и в случае необходимости разрешалось вводить те или иные льготы, «снижая процент обложения и дифференцируя ставки» [3, л. 1].

С 1926 г. был изменен порядок уплаты подоходного налога. Он был установлен исключительно по декларациям, подаваемым самими налогоплательщиками. Но на практике это вызвало ряд трудностей, среди кото-

рых отмечались неполное заполнение и несвоевременное представление сведений, неграмотность в большинстве случаев плательщиков и др. [14, л. 1].

Налоговые органы на местах, естественно, не занимались снижением налогов и процентных ставок. Так, в 1926 г. Иркутский финансовый отдел представил в епархиальный церковный совет «лист недоимок», в котором содержались суммы задолженности по церквям г. Иркутска за период 1923–1926 гг. Общая сумма задолженности составляла 2148 р. 75 к. в золотых рублях [4, л. 61]. Неуплата налогов являлась серьезным нарушением условий договора любого религиозного общества, что могло привести к его расторжению. Выходом из сложившейся ситуации стало обращение Иркутского церковного епархиального совета к губфинотделу с просьбой о снижении ставок ввиду «низкой доходности их храмов» [4, л. 75]. В этом случае, учитывая, что это были обновленческие церкви, местные власти пошли на некоторые уступки.

В 1928 г. с мест от православных приходов стали поступать жалобы по поводу обложения их сельскохозяйственным налогом. Благочинный Александровско-Заводского благочиния протоирей Г. Писарев 4 августа обратился к епископу Забайкальскому и Нерчинскому Евсевию с прошением. В нем говорилось, что Александровско-Заводской РИК привлекает причты благочиния к уплате государственных налогов не по норме, а по индивидуальному обложению, по которому налог взыскивался в двойном размере.

Последующие указания местных органов власти были еще жестче. Так, в рапорте протоирея уже от 14 сентября сообщалось, что «РИК продолжает давление на причт... Он, кажется, задался целью «выжить» всякими стеснениями причт отсюда, а затем закрыть и церковь». Так, протоирей Писарев вместе с сыном — псаломщиком попали под индивидуальное обложение, и «районная налоговая комиссия наложила на них сумму налога в размере 291 р. 75 к. с требованием уплаты к 15 декабря 1928 г. Согласно сведениям налоговой комиссии, в качестве источников доходов были указаны: 1) 3,35 десятины пашни; 2) 6,30 десятины сенокоса; 3) 3 лошади; 4) 7 голов крупного скота; 5) 16 голов мелкого скота; 6) 0,15 десятины огорода на общую сумму 424 р. 75 к. Затем была сделана надбавка в 100%, прибавлен доход от неземледельческих заработков в 500 р.; общая сумма составила 1350 р., с которой налог составил — 291 р. 75 к.» [13, л. 100, 103, 104]. Такой размер налога свидетельствовал, «что служители культа являются самыми богатыми лицами во всем Александровском заводе», так как ни один житель «из самых мощных и полномочных хозяйств, имеющих хозяйственные машины и источников дохода во много раз» не подвергался таким налогам [13, л. 103 об.].

16 октября 1928 г. в своем отношении за № 140 епископ Евсевий рассмотрел «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» от

21 апреля 1928 г., согласно которому признак индивидуальности был определен для тех, у кого кроме земельного заработка имелись нетрудовые доходы (например, доходы служителей культа). Таким образом, служители культа переходили из обложения по норме в положение индивидуального обложения. Епископ Евсевий единственным выходом предлагал контролировать определение дохода, «жаловаться на неправильное его определение», но свою жалобу священники «обязаны обосновать надлежащими доказательствами» [13, л. 106].

Последующие решения НКФ СССР отменили обжалование решений «об обложении зданий, предназначенных для богослужебных целей и земельных участков под ними» в центральных налоговых органах и закрепили его на уровне местных органов [6, л. 4]. Местные финансовые органы предпринимали попытки к ужесточению контроля над церковными доходами, требуя обязательного ведения во всех церквях приходно-расходных книг «за шнуром и печатью». Строгому учету подлежали не только постоянные доходы храмов и духовенства, но и разовые поступления: исполнение треб, кружечные сборы, пожертвования, ходы с иконами и пр. [5, л. 2].

5 января 1930 г. за № 195 был издан очередной циркуляр НКФинансов СССР «О налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий». По данному циркуляру: «1. Молитвенные здания подлежат обложению местным налогом со строений на общих основаниях по установленной ставке... 2. Взимание ренты за земельные участки, под которыми находится молитвенное здание, производится на общих основаниях... ..неуплата в срок налога или ренты влечет за собой расторжение договора и отобрание молитвенного здания.... Промыслового и подоходного налога с религиозных объединений не должно производиться...» [8, л. 1]. Кроме того, циркуляр отменял все ранее изданные распоряжения и разъяснения относительно налогового обложения религиозных обществ и предоставляемых им в бесплатное пользование молитвенных зданий.

По отношению к духовенству в 1930 г. было издано постановление ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа», которое освобождало от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г. По доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителей не должен был превышать налог крестьянина, с таким же доходом, больше, чем на 100%. Также в постановлении говорилось, что священнослужители должны привлекаться к сельхоззаготовкам по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а священники, чьи хозяйства имели «признаки кулацких хозяйств», подвергались соответствующим «кулацким» нормам обложения налогом [20, с. 159–160].

19 февраля 1931 г. был издан циркуляр НКФинансов СССР за № 68, закрепивший новый порядок налогового обложения молитвенных зданий

и служителей культа. В нем предписывалось устранить волонтаризм и «местное творчество». Впредь запрещалось до особого разрешения исполкома местного Совета опечатывание молитвенных домов и наложение штрафов и ареста на имущество членов религиозного общества за неуплату налогов в срок. Согласно циркуляру, религиозные общества должны уплачивать: а) страховую премию, б) местный налог со строений, в) ренту за землю. Налог со строений и страховые взносы с молитвенных зданий исчислялись по оцененной сумме самого здания [7, л. 59].

17 марта 1931 г. Восточно-Сибирское краевое финансовое управление срочно издало циркуляр № 4-77 о пересмотре всех дел по обложению религиозных обществ и служителей культа в соответствии с изменившимися требованиями циркуляра № 68. Пересмотр всех дел должен был быть произведен в кратчайшие сроки, требовалось «впредь до пересмотра приостановить всякие принудительные взыскания как с религиозных общин, так и со служителей культа» [10, л. 6].

Но на практике эти предписания зачастую не выполнялись финансовыми органами. Как указывалось в отчете о состоянии Бурят-Монгольской (обновленческой) епархии за 1932 г.: «На местах финорганами общины часто переоблагаются налогами за строения. Поданные жалобы не рассматриваются иногда в течение года. Так, Кабанский храм был переоценен с 14 тыс. р. в 1931 г. до 40 тыс., когда община подала жалобу в Райфо, то не только было сделано понижение до требуемой законодательством суммы, на 1932 г. еще увеличился до 51 тыс. р. также и с Троицкосавским Собором, оценен в 1928 г. в 29 тыс., в 1930 г. — 65 тыс., а в 1931 г. — уже в 91 тыс.» [9, л. 3].

В 1933 г. в финотдел поступила жалоба от православной общины Ново-Никольской церкви на действия райфо, сотрудники которого за 1932–1933 гг. три раза отправляли квитанции на погашение трех разных сумм налога за строение. В 1931 г. сумма обложения составляла 149 р. 50 к. с учетом поземельной ренты и страхового сбора, а в 1933 г. — налог на строение составил 537 р.; 72 р. — страховой сбор; 37 р. — поземельная рента; итого — 636 р. Действия местного отделения явно противоречили положениям циркуляра № 68, но краевое райфо вынесло решение — «исчисление налогов правильное, в ходатайстве отказать».

Таким образом, факты произвола в решениях местных финансовых органов по отношению к религиозным обществам и священнослужителям позволяют говорить, что на местах не произошло кардинального изменения налогообложения, предусмотренного в циркуляре 1931 г.

Религиозные общины, естественно не могли выплатить сборы в таком размере, и зачастую прибегали к различным способам изыскания средств для их уплаты. К примеру, 8 февраля 1932 г. на заседании церковного совета Верхнеудинской Троицко-Кладбищенской церкви обсуждался вопрос об уплате государственных налогов в размере 3380 р.

Не имея достаточных средств, церковный совет решил: «Организовать тарелочный сбор среди прихожан на указанный предмет... Обратиться к верующим о посильном добровольном взносе... Выдать взаимообразно из церковных причту на уплату государственных налогов» [16, л. 35]. Кроме того, в попытках выплатить налоги и «самоналоги», священнослужители прибегали к массовой продаже своих домов, имевшегося сельхозинвентаря, скота. Особенно часто, как отмечалось в секретной информационной сводке информстатсектора Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 20 июля 1930 г., подобные факты фиксировались в Хятинском, Селенгинском, Закаменском, Тункинском и Мухоршибирском аймаках [15, л. 2].

С многочисленными нарушениями происходило и раскулачивание, под которое попадали и сельские священники. Так, к примеру, священник Зиминской сельской церкви Василий Шелашников 18 июля 1931 г. по решению сельсовета был «обложен, как кулак, твердым заданием». Твердое задание включало в себя следующие пункты: по лесозаготовкам — четыреста кубометров шкуровки; заем пятилетки — триста рублей; молока — девять центнеров; яиц — четыреста штук; кур — тридцать штук, причем, задание по яйцам курицы должно было быть выполнено в трехдневный срок. За неисполнение задания председатель сельсовета Сутурина грозила привлечь Шелашникова к суду [8, л. 142]. «Кулацкое» хозяйство священника состояло из одной коровы и шести кур, он регулярно выплачивал налоги и не числился в должниках. Доходы исчислялись жалованием от общины в тридцать рублей в месяц, вознаграждением от совершения треб. Однако, в жалобе Шелашникову отказал прокурор, который заявил священнику: «У меня для Вас защиты нет» [8, л. 1].

Во второй половине 1930-х гг. продолжало ухудшаться материальное положение священнослужителей, большая часть которых была лишена элементарных средств к существованию. Священника Софрониевской церкви с. Хомутовское Иркутского района Павла Михайловича Постникова в 1936 г. обязали поставками мяса в размере 98 кг как «обладающего кулацким хозяйством». Постников в жалобе в краевую культурную комиссию ходатайствовал об отмене данного предписания, так как «мне 68 лет и хозяйства у меня не только кулацкого, но и даже никакого нет» [11, л. 5]. Также городская налоговая комиссия требовала уплаты «сельхозналога в размере 883 р. и в таком же размере самообложения; всего 1766 р. в дополнение к уже уплаченному мною подоходному налогу в количестве 166 р. и 166 р. самообложения, культурного сбора 236 р. 30 к.» [11, л. 7]. Аналогичные жалобы на незаконные обложения были поданы священником с. Усть-Куда И.Н. Шабалиным («обязательство о сдаче 49 кг мяса»), священником с. Куяда М.И. Шастиним («неправильное обложение подоходным налогом»; переписка по его жалобам длилась на протяжении 4 лет) [11, л. 28–31, 53–60].

В Комиссию по культовым вопросам поступило заявление от служителя культа Попова Никодима Николаевича от 4 сентября 1936 г., согласно которому священника обязали государственными поставками в размере «3,63 центнера зерна, 4,80 центнера картофеля, 50 кг мяса» [18, л. 17]. Позднее нормы поставок мяса были увеличены до 90 кг, в случае неисполнения которых налагался штраф в размере 900 р. В заявлении отмечалось: «Я стар, инвалид, больной, работать не могу, ни скота, ни денег не имею... Троцкисты-зиновьевцы искореняются, а политика их здравствует... Я бы легче перенес, если бы меня казнили, легче положить голову на плаху или стать под расстрел, чем переносить издевательства, замаскированные и подносимые в виде законности. За веру в Бога, за верующих в него, коих очень много — я готов умереть, но ведь и умереть лучше сразу, скорее, чем мучиться, переносить издевательства и гноить в тюрьме без вины» [17, л. 17, 20, 21].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. на территории Байкальского региона религиозный вопрос «эффективно» решался с помощью комплекса мер экономического воздействия. Национализация земель и богослужбного имущества, контроль за хозяйственной деятельностью православных общин, многочисленные факты налогового произвола местных органов (завышение оценочной стоимости культовых зданий и уровня доходов духовенства), обязательства государственных поставок для священнослужителей являлись составляющими экономического давления государства на церковь.

Список использованной литературы и источников

1. Архивы Кремля. — Кн. 2. — М. ; Новосибирск, 1997. — С. 429.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 36.
3. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 70.
4. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 72.
5. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 133.
6. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 171.
7. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 191.
8. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 192.
9. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 229.
10. ГАИО. Ф.р.-600. Оп. 1. Д. 321.
11. ГАИО. Ф.р.-600. Оп. 1. Д. 1443.
12. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.р-110. Оп. 1. Д. 240.
13. ГАЗК. Ф.р.-422. Оп. 1. Д. 47.
14. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.п.-1. Оп. 1. Д. 1396.
15. ГАРБ. Ф.п.-1. Оп. 1. Д. 1691.
16. ГАРБ. Ф. 365. Оп. 1. Д. 113.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.р.-5263. Оп. 1. Д. 436.
18. ГАРФ. Ф.р.-5263. Оп. 1. Д. 437.

19. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. Н. Петюкова. — М., 2011.

20. Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов: 1917–1941 / сост. Н. Ю. Черепнина, М. В. Шкаровский. — СПб., 2000.

21. Шахнович М. И. В. И. Ленин и проблемы атеизма / М. И. Шахнович. — М. : Изд. Акад. наук СССР, 1961.

Информация об авторе

Цыремпилова Ирина Семеновна — доктор исторических наук, профессор, кафедра музейных технологий и охраны наследия, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, e-mail: irina161073@mail.ru.

Author

Tsyrempilova Irina Semenovna — Doctor of History, Professor, Chair of Museum Technologies and Heritage Protection, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, e-mail: irina161073@mail.ru.

УДК 332.13 (57)

ББК 65.046.12 (2Рос)

Г.А. ЦЫКУНОВ

КОМАНДНО-ВЕДОМСТВЕННАЯ СИСТЕМА И ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Рассматриваются вопросы функционирования командно-ведомственной системы в районах формирования Ангаро-Енисейских ТПК, взаимоотношений с местными органами власти. Оцениваются последствия этой системы для социально-экономического развития новых территорий.

Ключевые слова: Ангаро-Енисейский регион; командно-ведомственная система; территориально-производственные комплексы; планирование; социальная сфера.

G.A. TSYKUNOV

COMMAND-DEPARTMENTAL SYSTEM AND DEVELOPING OF NEW TERRITORIES

The article considers functioning of command-departmental system on the territories forming Angara-Yenisei TPC (territorial-production complex), relation with local authorities; estimates consequences of the system for social-economical development of new territories.

Keywords: Angara-Yenisei area, command-departmental system, territorial-production complex, planning, social sphere.